

14. Поппер К. Ницета историзма // Вопросы философии. – 1992. – №8. – С.49–79.
15. Шопенгауэр. А. Афоризмы житейской мудрости. – М., 1998.
16. Хайдеггер М. Бытие и время. – М., 2001.
17. Шпет Г.Г. Сочинения. – М., 1989. – С.379.
18. Там же. – С. 366.
19. Там же. – С. 368.
20. Там же. – С. 369.
21. Там же. – С. 370.
22. Там же. – С. 371.
23. Там же. – С. 372.
24. Там же. – С. 374.
25. Гитлер А. Моя борьба. – М., 1992.

Голосова Т.М.

ВЛИЯНИЕ СЕМАНТИКИ ЛОКАЛИЗОВАННОСТИ НА ТЕКСТОВУЮ ВНЕШНЕТЕМПОРАЛЬНУЮ ТРАНСПОЗИЦИЮ

Языковая временная семантика в лингвистических исследованиях последних лет рассматривается как широкая сфера языковых/речевых отношений различных категорий (грамматических, функционально-семантических, текстовых), т.е. как область пересечения, иногда концентрации аспектуального, собственно-темпорального, таксисного и другого аналогичного содержания, где центральное место принадлежит глагольной единице, потенциальные функциональные возможности которой и определяют указанные грамматические отношения [1-5].

В структурно-системной организации художественного текста функционирующие глагольные формы обуславливают сложные, не всегда равнозначные взаимоотношения такого типа категорий и отдельных категориальных значений, а также одновременно с этим определенные грамматические трансформации, возникающие вследствие таких отношений, что недостаточно широко исследовано в современной лингвистике, а следовательно, требует дальнейшего изучения, что составляет *актуальность* исследования и является *целью* настоящей статьи.

В текстовой организации русского языка внешнетемпоральная транспозиция обуславливается следующими факторами:

- 1) комплексным взаимодействием глагольных единиц на уровне макроконтракста (ССЦ, абзац), что расширяет их функциональные возможности за счет потенциальных реализаций других ФСК (таксис, аспектуальность, локализованность/нелокализованность и под.)
- 2) спецификой художественного текста как комплексной организацией авторского повествования, речи персонажа и несобственно-прямой речи.

Особенности внешнетемпоральных транспозиций в художественном тексте отчетливей прослеживаются при взаимодействии глагольных единиц различных типов речи: авторского повествования и речи персонажей, а именно:

Червь дремал, он не шевелился в разжатой руке. От него пахло рекою, свежей землей и травой; он был небольшой чистый и короткий, наверно, детеныш еще, может быть уже худой маленький старик.

– Отчего ты живешь? – говорил Егор. – Хорошо тебе или нет? (А.Платонов).

В рассматриваемом абзаце глагольная внешнетемпоральная система презенсного аспекта речи персонажа *живешь* под влиянием претериальной системы речи автора (*дремал, не шевелился, пахло, говорил*) трансформируется и переходит в план прошедшего.

Поскольку авторская повествовательная система репрезентирует непосредственно главную составную структуру общей темпоральной системы текста - сюжетное время, она сильнее по отношению к настоящему речи персонажа, а следовательно, влияет на нее: семантика прошлого переводит значение настоящего в темпоральный план речи автора, опосредованно изменяя его временную ориентацию. Это, собственно, и предусматривает переход настоящей временной системы в аспект прошлого по отношению к моменту речи автора. См. еще:

Червь дремал, он не шевелился в разжатой руке. От него пахло рекою, свежей землей и травой; он был небольшой чистый и короткий, наверно, детеныш еще, может быть уже худой маленький старик.

– Отчего ты живешь? – говорил Егор. – Хорошо тебе или нет? (Платонов).

В рассмотренном абзаце возникают одновременные длительные отношения действий авторского повествования и речи персонажей вследствие темпоральной модификации внешнего временного плана речи персонажа в аспекте прошлого авторского повествования, то есть *червь дремал, не шевелился и жил* в прошлом повествовательном четко не определенном периоде.

В случае представления функционально-семантической категории длительности в аспекте одного темпорального плана - презенса обоих типов речи внешние темпоральные видоизменения не возникают, хотя указанные системы в аспекте внутреннего времени объединяются на базе общей функционально-семантической категории:

Рыженький человек, в галифе, во френче-полуубке, с тяжелым револьвером на животе. Глаза маленькие, спокойные, осевшие, как сонные птички в клетках. Стоит и смотрит.

– Я - Колсуцкий. Что вам угодно, товарищ? (Кукушка)

Тем не менее, видоизменения, разворачивающиеся в макроструктуре отдельного типа речи, способны, в зависимости от семантики локализатора, видоизменять лингвистические единицы, на базе взаимодействия разных типов повествования в макроструктуре художественного текста.

Влияние категории локализованности/нелокализованности действий во времени в русских художест-

венных текстах по-разному выявляется в повествованиях эпического претерита и в текстах презенсного типа. Это предопределяется, с нашей точки зрения, во-первых, самой природой категории грамматического времени, на основе которой различаются указанные текстовые системы, во-вторых, спецификой развертывания категории локализованности/нелокализованности действий во времени в общем внешнем темпоральном контексте, в-третьих, способностью/неспособностью глагольных форм согласовываться, сочетаться с детерминантными временными конкретизаторами определенной темпоральной семантики (А.В.Бондарко).

Так, развертывание функциональной системы локализованности/нелокализованности действий в эпическом претерите оказывает содействие, с одной стороны, выдвигению на первый план определенной внешнетемпоральной функционально-семантической категории одного из типов речи, а с другой - наоборот, нивелированию той или иной внешнетемпоральной структуры.

В первом случае, в результате взаимодействия разных внешневременных систем парадигматических текстовых аспектов, речь идет о наличии темпоральных детерминантов общей семантики или таких значений, которые дополняют друг друга. Здесь происходят определенные внешневременные транспозиции, то есть переход в один из внешнетемпоральных планов того или иного типа речи: или авторское повествование, которое, как правило, выступает более сильным в выражении функционально-семантической категории темпоральности или - в речь персонажа, которая слабее во временном аспекте, поскольку точкой отсчета здесь выступает момент речи персонажа в пределах доминирующей текстовой относительной временной ориентации. Такого типа функционирование является следствием усиления определенного внешнего временного аспекта с помощью прежде всего внешних показателей локализованности или контекстной ситуации в целом.

В случае наличия временного показателя в авторском повествовании, указанный текстовый аспект усиливается, и как следствие - локализация общей категориальной ситуации во внешнетемпоральном четко выраженном периоде авторского повествования, поскольку такой компонент более сильный, доминирующий в общей сюжетной темпоральной системе.

Но в случае репрезентации локализатора презенсного аспекта в речи персонажа значение «актуально-настоящего» усиливается, и это большей частью влияет на темпоральный план авторского повествования: происходит модификация, хотя и не полная, в презенсном аспекте. При этом семантика локализатора может быть связана непосредственно с моментом речи персонажа типа: *сейчас, теперь*, как имплицитно, так и эксплицитно. При наличии другого значения локализатора такого типа переход не происходит, по аналогии с локализованностью авторского повествования. Ср.:

Сейчас, сидя на корточках, с выбившимися из-под шапочки черными кудрями, с полураскрытым в забывчивости ртом, с этим пристальным горячим и нежным взглядом, она была так привлекательна, что он невольно подумал:

«Ах, хорошая! Милая, смуглая, и самая... Да нет! Такая, наверное, как все. Здорового ждет, с орденами» (Николаева)

Здесь общая длительность одновременных действий, выраженная формами несовершенного вида прошедшего времени, локализуется и актуализируется в аспекте условного прошедшего темпорального плана общей текстовой системы, поскольку локализатором выступает обстоятельство *сейчас*, семантика которого и представляет указанное значение. Или:

Девушка знала, что отец хитрит. Он не мог так думать. Но ей не хотелось на прощанье обижать старика, и она мягко сказала:

- Папа, я слышала, что сейчас даже каркас Дома Советов переплавляют на снаряды и танковую броню. Мы должны победить любой ценой. Сейчас не к мелочной расчетливости. (Полев)

В рассмотренном контексте репрезентируется общая функционально-семантическая категория длительности в аспекте общего условного настоящего вследствие усиления презенсного аспекта временной системы речи персонажа детерминантом локализованности *сейчас*, что приводит к частичной трансформации в указанном значении прошедшего внешнетемпорального плана авторского повествования.

См еще:

Я первый раз в жизни был свидетелем молчания московской толпы. Никто даже не хихикнул.

- Не везет японцам последнее время... (Булгаков)

В этом абзаце представлены одновременные действия на базе развертывания категориальных ситуаций длительности речи автора и речи персонажей. Но, учитывая внешние временные отношения, с нашей точки зрения, более сильным является презенсный аспект, поскольку он содержит локализатор с семантикой «актуальности современности», что приводит к частичной трансформации прошлого авторского повествования. Категория длительности речи автора не просто конкретизируется, но и ограничивается во временном течении. Общая внутритемпоральная система макроструктуры – аспектuality – в таком случае может интерпретироваться и как длительность, видоизмененная ограниченной (моментом *молчания*) длительностью. При этом модифицирующим компонентом выступает темпоральная структурная организация авторского повествования, поскольку реализуется единичный факт длительности на фоне локализованной длительности речи персонажей.

В том случае, когда локализатор представлен как в авторском повествовании, так и в речи персонажа, транспозиция презенсных форм переходит в темпоральный план прошедшего. Результатом ее является доминирование категориальной ситуации локализованной длительности. При этом семантика детерминанта конкретности, определенности речи персонажа, как правило, уточняет, дополняет содержание, представленное локализатором авторского повествования, а именно:

Она и сейчас вся дрожала, эта тонкая девушка, с нежной внешностью, с волей закаленного бойца.

- Я даже не знаю его имени и теперь не знаю, хотя никогда не забуду его. Он всегда будет передо мной, такой сильный, мужественный, прекрасный!.. (Полевой)

Здесь формируется одновременная локализованная длительность вследствие объединения соответствующих категорий разных типов речи. Локализаторы с семантикой настоящего *сейчас, теперь* усиливают систему грамматического презенса и таким образом переводят собственно прошедший в систему ближайшего прошедшего.

Вместе с тем следует отметить, что длительная темпоральная структура с локализаторами оппозитивной семантики разных типов речи не представлена в такого типа макроструктурах прежде всего потому, что функцию прошедшего или настоящего темпорального плана, которая бы образовывала темпоральный разрыв, берут на себя глаголы прошедшего и будущего времени. Кроме того, детерминант, выходящий за пределы общей темпоральной системы условного настоящего, не является типичным для форм, репрезентирующих одновременные отношения (А.В.Бондарко).

При наличии локализатора иного внешнетемпорального аспекта - прошедшего, будущего - (в речи автора или в речи персонажа) как правило происходит временной разрыв и формируются проспективно-ретроспективные отношения в художественном тексте. См.:

– *Дело очень просто, Магнус... ведь вы предупреждали (предупрежденным являюсь) Меня? Завтра мой Топти укладывает чемоданы и Я еду в Америку продолжать дело с ... консервами.- говорил я ему.* (Л.Андреев)

Здесь наличие детерминанта будущего внешнетемпорального плана *завтра* переводит презенсную временную организацию в аспект будущего по отношению к претериальной системе авторского повествования, нивелирую таким образом собственно текстовую транспозицию аналогичных форм в план прошедшего темпорального аспекта общей претериальной текстовой систем

Реализация же конкретизатора прошедшего временного аспекта, формирующего претериальный грамматико-контекстуальный комплекс, обуславливает дополнительную внешнетемпоральную транспозицию презенсных форм речи персонажей в план не просто прошедшего, под влиянием претериальной системы авторского повествования, а в аспект давнопрошедшего временного плана. Ср.:

– *"Или", - засмеялся Клаус. - Пусть это не патриотично, но я люблю и продукты, и питье, сделанные в Америке или во Франции...*

– *Я приготовлю для вас ящик настоящих французских сардин. Они в оливковом масле, очень пряные. Масса фосфора... Знаете, я вчера смотрю ваше досье...(Ю.Семенов)*

Здесь грамматико-контекстуальный комплекс *вчера смотрю* речи персонажа в сочетании с глаголами прошедшего времени авторского повествования обуславливает грамматическую транспозицию презенсной системы в план не просто прошедшего, а давнопрошедшего временного аспекта.

Таким образом, семантика локализованности оказывает значительное влияние на грамматическую временную трансформацию художественного текста, обуславливая внешнетемпоральные переходы в совершенного различных аспектах и направлениях. При этом важное значение принадлежит тем детерминантам-локализаторам, которые функционируют в речи персонажа. Перспективным в этом аспекте нам представляется изучение влияния семантики локализаторов на текстовую темпоральную транспозицию языков иного типологического строя.

Источники и литература

1. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. - Л.,1983.
2. Дурст-Андерсен П.В. Совершенный и несовершенный виды русского глагола с позиций ментальной грамматики. Семантика. Прагматика.//Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, М., 1997,-т.1.
3. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке.-М.,1996
4. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность.-Л.,1990.
5. Эслон П., Пихлак А. Вид и время (сопоставительный аспект). - Таллинн,1993.

Грозьян Н.Ф., Приходна Н.С.

СТРУКТУРНІ ОСОБЛИВОСТІ МІНІМАЛЬНИХ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ У ПЕРІОДИЧНІЙ ПРЕСІ (НА МАТЕРІАЛІ ГАЗЕТИ „КРИМСЬКА СВІТЛИЦЯ”)

Останнім часом поглибився інтерес до вивчення мовних, структурно-стильових особливостей публіцистики. Мова газетно-інформаційного стилю швидко реагує на процеси суспільного життя, а багатство її внутрішніх ресурсів дозволяє словесно відобразити широку гаму відтінків значення нових реалій позамовного життя. Дослідженню специфіки мови та стилю засобів масової інформації присвячені наукові праці Д.Х. Баранника [1], А.П. Коваль [2], Т.С. Ярмоленко [3], О.Ф. Пінчук [2], О.А. Сербенської [4], Г.Я. Солганик [2] та ін. вчених. Але структурні особливості мінімальних фразеологічних одиниць україномовної кримської газети ще не були предметом наукового вивчення.

Цей структурний різновид усталених зворотів наявний у багатьох слов'янських і романо-германських мовах (російській, польській, чеській, англійській, німецькій, іспанській та ін.). У літературі з питань фразеології упродовж тривалого часу було різне ставлення до цієї категорії мови (тобто до мінідіом): від заперечення (І.Є. Анничков, С.Г. Гаврін, М.М. Шанський) – до визнання (Л.Г. Авксентьев, М.Ф. Алефіренко, В.М. Білоноженко, А.М. Емірова, Н.О. Зубець, М.Т. Демський, М.П. Коломієць, С.І. Ожегов, Л.М. Пелепейченко, П.О. Редін, Л.Г. Скрипник, В.Д. Ужченко, Г.М. Удовиченко, О.І. Смирницький та ін.). На незвичайність стійких прийменниково-іменних виразів і заперечних зворотів у різний час звертали увагу відомі вітчизняні вчені І. І. Срезневський, І. Г. Чердиченко, В.В. Виноградов, Л. Г. Скрипник. Як слушно зауважує Н.О. Зубець, „Внаслідок удосконалення відомих класифікацій, корекції усталених поглядів уточнюються підсистеми, групи, структурні моделі фразеологізмів української мови. Так, завдяки цьому